

Международные суды и трансформация национальных правовых систем

Владислав Старженецкий*

В статье рассматривается вопрос трансформации национальных правовых систем под влиянием решений, выносимых международными судами. Анализируются правовые, институциональные и организационные механизмы, используемые международными судами для эффективного взаимодействия с национальными правовыми системами, а также те сложности, с которыми международным судам приходится сталкиваться в процессе трансформации национальных правовых систем (на примере Европейского Суда по правам человека).

→ *Трансформация национальных правовых систем, эффективность международных судов, имплементация норм международного права, исполнение решений международных судов, реформа Европейского Суда по правам человека, социальная инерция, инкрементализм, критика прав человека, правовые реформы (социальный и политический контекст)*

Количество международных судов¹ за последние 50 лет резко возросло и продолжает увеличиваться. Международные суды постепенно, но уверенно становятся мощной движущей силой для развития международного права, разрешения международных и иных конфликтов и споров, формирования международных стандартов в той или иной сфере.

По своему функциональному назначению международные суды очень неоднородны. Классические международные суды создавались с целью разрешения споров между государствами, основными субъектами международного права, и толкования международных договоров (например, Постоянная палата международного правосудия, Международный Суд ООН).

Затем появились международные суды, предназначенные для решения специальных

международных проблем (например, Нюрнбергский и Токийский трибуналы, Международный трибунал по бывшей Югославии, Международный уголовный суд, Международный трибунал по морскому праву).

Тенденцией последнего времени является бурное развитие международных судов, созданных для поддержания международных институциональных и нормативных систем, формирования общего правового пространства в рамках интеграционных объединений. Такие международные суды создаются для защиты прав человека (например, Европейский Суд по правам человека (*далее* — ЕСПЧ), Межамериканский суд по правам человека, Африканский суд по правам человека и правам народов) или в сфере экономики и торговли (Суд Европейского Союза (*далее* — СЕС), Суд Евразийского экономи-

* Старженецкий Владислав Валерьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российской Академии Правосудия (e-mail: vstarzhenetskiy@arbitr.ru).

¹ Под международными судами в настоящей статье понимаются органы, созданные в соответствии с международными договорами и обладающие компетенцией по разрешению споров на основе норм международного права.

ческого сообщества, Суд Общего рынка Восточной и Южной Африки, Суд Андского сообщества).

Перед судами последнего типа очень часто (прямо или подразумеваемо²) стала ставиться задача формирования общих правовых стандартов, действующих на всей территории международного регионального объединения. Сложность выполнения данной задачи заключается в том, что обеспечение единых стандартов в сфере прав человека или регулирования экономического оборота возможно только во взаимодействии с национальными правовыми системами, через доступ частных лиц к международным судебным инстанциям. Международные суды в такой ситуации уже не могут работать изолированно, их правоприменительная практика может, а в некоторых случаях должна вести к изменениям национальных правовых систем. Без этой простой логики невозможно прийти к общему знаменателю, невозможно обеспечить равную защиту прав человека или недискриминационный, одинаково благоприятный режим экономической деятельности в рамках того или иного объединения.

Вполне очевидно, что в этом случае перед международными судами возникает новый

вызов — не вполне им знакомый и весьма амбициозный — трансформация национальных правовых систем, их преобразование и переход в новое качество.

На примере России, которая признала юрисдикцию Европейского Суда по правам человека в 1998 году, можно увидеть, насколько глубоко повлияло присоединение России к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* — ЕКПЧ) на развитие многих отраслей права, институтов, правоприменительную практику³. За годы участия было проведено много реформ и масштабных изменений⁴. Похожая ситуация складывается и в других государствах-участниках ЕКПЧ⁵.

В странах Европейского союза похожие изменения происходят под влиянием СЕС⁶. В странах Таможенного союза юридическая общественность очень внимательно следит за первыми решениями Суда Евразийского экономического сообщества⁷, способными сильно повлиять на соответствующие национальные правовые системы. На американском континенте активную работу ведет Межамериканский суд по правам человека⁸ и т. д.

Можно сделать общий вывод о том, что в настоящее время международные суды по-

² См. подробнее о целях, которые ставятся перед международными судами в международном праве: *Yuval Shany*. Assessing the Effectiveness of International Courts: a Goal-Based Approach // *The American Journal of International Law*. 2012. Vol. 106:225.

³ *Нешатаева Т.Н.* Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт. М.: Городец, 2007; *Нешатаева Т.Н.* Решения Европейского суда по правам человека: новеллы и влияние на законодательство и правоприменительную практику. М.: Норма, 2013. В свою очередь, высшие судебные инстанции России демонстрируют чёткую и ясную динамику: они все чаще используют ссылки на решения и постановления ЕСПЧ, а также применяют в своих судебных актах правовые позиции ЕСПЧ и институты ЕКПЧ (в частности, принцип баланса публичных и частных интересов, правовая определённость и предсказуемость правового регулирования, концепция разумных ожиданий и др.).

⁴ В качестве примеров можно привести гуманизацию, либерализацию и декриминализацию уголовного права (см.: соответствующие федеральные законы о внесении изменений и дополнений в УК РФ от 8 декабря 2003 года, от 7 марта 2011 года, 7 декабря 2011 года), реформу в сфере процессуального права (в частности, принятие новых по форме и по содержанию УПК РФ, АПК РФ, ГПК РФ, а также принятие последующих изменений и дополнений к ним), продолжающуюся реформу пенитенциарной системы (существо которой можно уяснить при анализе изменений и дополнений, вносимых в УИК РФ), возмещение вреда от действий государства (речь, в частности, о положениях Федерального закона от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»), повышение открытости и транспарентности работы судов и государственных органов (в частности, принятие Федерального закона от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации») и многие другие.

⁵ *Strengthening Subsidiarity: Integrating the Strasbourg Court's Case law into National Law and Judicial Practice*. Committee on Legal Affairs and Human Rights of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe, 25.11.2010. AS/Jur/Inf. 2010)04; *Alec Stone Sweet and Helen Keller*. Assessing the Impact of the ECHR on National Legal Systems // *Faculty Scholarship Series*. 2008. P.88. URL: http://digitalcommons.law.yale.edu/iss_papers/88. См. также информацию Комитета Министров Совета Европы об исполнении решения ЕСПЧ национальными властями: URL: <http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/execution>.

⁶ *Pollack Mark A.* The Engines of European Integration. Oxford University Press, 2003; *Josselin Jean-Michelle, Marciano Alain*. How the Court made a federation of the EU // *The Review of International Organizations*. 2007. No. 2(1). P.59–75; *Dehousse Renaud*. The European Court of Justice. The politics of judicial integration. Macmillan Press LTD, 1998.

⁷ *Смбатян А. С.* Перспективы Суда ЕврАзЭС в системе органов международного правосудия // *Международное право и международные организации*. 2013. № 1; *Шинкарецкая Г.Г.* Суд Евразийского экономического сообщества и Таможенного союза // *Международное правосудие*. 2012. № 1.

⁸ *James Cavallaro, Stephanie Erin Brewer*. Reevaluating Regional Human Rights Litigation in the Twenty-First Century: The Case of the Inter-American Court // *American Journal of International Law*. 2008. Vol. 102. P.768–827.

степенно становятся одним из основных инструментов создания общих правовых стандартов на международном уровне и под их влиянием осуществляется трансформация национальных правовых систем (наряду с такими механизмами, как заключение международных договоров, направленных на закрепление общих норм и стандартов, выработка норм мягкого права в рамках международных организаций⁹, функционирование различных механизмов обзора и мониторинга соблюдения международных обязательств¹⁰).

Факторы, влияющие на эффективность международных судов при трансформации национальных правовых систем

На практике мы можем увидеть, что международные суды очень сильно отличаются друг от друга по степени влияния на национальные правовые системы, по своему «трансформационному» потенциалу. Если одни весьма преуспели в этом (например, ЕСПЧ и СЕС), то другие сталкиваются с серьёзными трудностями (как например, Межамериканский суд по правам человека, Африканский суд по правам человека и правам народов) и не могут пока похвастаться впечатляющими успехами.

В чём причины данного явления? Можно выделить множество факторов, определяющих принципиальную возможность и эффективность изменения национальных правовых систем международными судами.

Удобный методологический подход к анализу данной проблемы был предложен профессорами Л. Хелфером (англ.: Laurence R. Helfer) и А.-М. Слотер (англ.: Anne-Marie Slaughter), которые разделили эти факторы на три большие группы:

1) объективные факторы, находящиеся вне контроля международного суда и государств-участников;

2) факторы, находящиеся под контролем государств-участников,

3) факторы, на которые может повлиять международный суд¹¹.

Первая группа факторов позволяет нам взглянуть на общий исторический, культурный, политический, социальный и правовой контекст и оценить объективную возможность и готовность государств к сотрудничеству. Международный суд, скорее всего, окажется бессильным или малоэффективным в ситуации, когда разрыв между государствами-участниками с точки зрения их политического устройства, уровня развития, культурных ценностей окажется настолько большой, что не позволит ему сформировать общие правовые стандарты.

В данном случае необходимы определённая зрелость, а также общность интересов государств-участников интеграционного объединения, что позволит им согласиться на ограничение своего национального суверенитета и подчинение юрисдикции международного суда. Возможно, этим объясняется феномен успеха именно региональных международных судов и интеграционных объединений, в которых участвуют более или менее гомогенные государства, имеющие много общего и находящиеся на сопоставимых стадиях своего развития.

Нельзя не согласиться с Л. Хелфером и А.-М. Слотер и в том, что демократические традиции, наличие развитых институтов гражданского общества, уважение принципа верховенства права в государствах-участниках также оказывают влияние на работу международного суда и облегчают процесс формирования общего правового пространства, так

⁹ Имеются в виду различные рекомендации, руководящие принципы, модельные документы и другие акты. В их числе Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних 1990 года, Бангальорские принципы поведения судей 2002 года, Руководящие принципы для предупреждения преступности (приняты Резолюцией 2002/13 ЭКОСОС ООН от 24 июля 2002 года). См. также: Марочкин С. Ю. Халафян Р. М. Международное мягкое право в правовой системе Российской Федерации // Журнал российского права. 2013. № 6.

¹⁰ В качестве примера из сферы борьбы с коррупцией могут быть приведены контрольные механизмы, созданные в соответствии с Конвенцией ОЭСР о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок 1997 года (о деятельности Рабочей группы ОЭСР см. URL: <http://www.oecd.org/dai/anti-bribery>), а также в соответствии с решением Совета Европы 1999 года по образованию Группы государств против коррупции (ГРЕКО) с целью осуществления контроля за соблюдением антикоррупционных стандартов (о деятельности Группы см. URL: http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/greco/default_en.asp).

¹¹ Laurence Helfer and Anne-Marie Slaughter. Toward a Theory of Effective Supranational Adjudication // 107 Yale Law Journal. 1997. No. 273.

как государства-участники оказываются более предрасположенными соблюдать свои международные обязательства вне зависимости от национальных предпочтений и следовать решениям международного суда.

В то же время международный опыт показывает, что международные суды в принципе могут успешно осуществлять свои функции в отношении объединений государств, которые серьёзно отличаются с точки зрения своих политико-правовых традиций (например, страны Западной Европы и бывшие республики СССР, находящиеся под юрисдикцией ЕСПЧ), а также в государствах, которые не имеют богатой истории демократического правления (в частности, Боливия, Венесуэла, Колумбия, Перу и Эквадор, учредившие Суд Андского сообщества¹²).

Интересный пример для исследования представляет собой и пространство бывшего СССР, на котором действует два международных суда — Экономический Суд СНГ и Суд Евразийского экономического сообщества. В первом случае из-за преобладания в рамках СНГ центробежных тенденций международный суд испытывает серьёзные трудности¹³, а во втором, принимая во внимание большой интеграционный потенциал экономик России, Казахстана и Белоруссии, мы видим довольно бурное начало деятельности и его востребованность¹⁴.

Представляется, что предыдущий опыт государств по взаимодействию с международными судами и признания их юрисдикции также может быть полезен. Для любого государства подчинение юрисдикции международного суда является серьёзным испытанием. В этом смысле государство, уже почувствовавшее на себе международную критику и подчинившееся решениям международного суда, получает своего рода «прививку» и учится имплементировать международные стандарты в свою правовую систему, привыкает жить по правилам интеграционного объединения. Такое государство, скорее всего, будет успешным участником и других международных союзов (как, например, страны Евросоюза,

подчиняющиеся одновременно юрисдикции как ЕСПЧ, так и СЕС).

Ко второй группе факторов можно отнести те, которые находятся во власти государств, создающих международный суд, определяющих его компетенцию и полномочия.

Изменение национальной правовой системы суверенного государства может стать возможным только при наличии политической воли, связанной с необходимостью участия в том или ином региональном объединении, а также со всеми вытекающими из этого последствиями, включая необходимость подчиняться общим правилам игры. Чем яснее и чётче выражена политическая воля и поддержка международному суду, тем результативнее будет работа международного суда и процесс имплементации общих стандартов на национальном уровне. И наоборот, ослабление или утрата политической воли и поддержки, частичная или полная утрата смысла в участии в региональном объединении будет приводить к усилению центробежных тенденций, изоляционистским настроениям и активному сопротивлению национальных акторов, ответственных за имплементацию правовых позиций международных судов.

В этой связи возникает вопрос о том, какая модель международного суда — с максимальным объемом полномочий, независимого от государств-участников или с узкой компетенцией, высокой подконтрольностью государствам-участникам — является наиболее оптимальной? Данный вопрос является довольно дискуссионным.

Профессора Э. Познер (англ.: Eric A. Posner) и Дж. Юу (англ.: John C. Yoo) в своей статье «Судебная независимость в международных трибуналах» приходят к выводу о том, что более успешными и эффективными международными судами являются «зависимые» международные суды, в которых государства сохраняют значительный контроль за действиями суда и судей (через институт назначения судей, срок деятельности суда, возможность влияния на процесс возбуждения дела, ограничение его юрисдикции и дру-

¹² Рафалюк Е.Е. Международные суды Латинской Америки и развитие интеграции // Российский юридический журнал. 2012. № 4; Laurence R. Helfer, Karen J. Alter, Maria Florencia Guertzovich. Islands of Effective International Adjudication: Constructing an Intellectual Property Rule of Law in the Andean Community // The American Journal of International Law. 2009. Vol. 103. No. 1. P.21–26.

¹³ Шинкаревич Г. Суд СНГ — не судебное учреждение? // ЭЖ-Юрист. 2005. № 42.

¹⁴ Нешатаева Т.Н. Выбор пути Суда ЕвразЭС: правовые позиции и защита прав // Международное правосудие. 2013. № 2.

гие механизмы)¹⁵. Решения таких судов больше удовлетворяют интересам государства, и существует большая вероятность, что их решения будут исполнены, а государства воспользуются ими снова.

Вполне ожидаемо, что такой подход к анализу эффективности международных судов вызвал серьёзную критику со стороны научной общности. Так, в своей статье «Для чего государства создают международные суды: ответ профессорам Познеру и Юу» Л. Хелфер и А.-М. Слотер отстаивают противоположную точку зрения и обращают внимание на существенные недостатки такого подхода, главный из которых заключается в том, что в долгосрочной перспективе, при образовании различных интеграционных объединений, «зависимые» международные суды оказываются неэффективными и не могут выполнять возложенную на них роль¹⁶.

Присоединяясь к мнению Л. Хелфера и А.-М. Слотера, добавим, что в рамках интеграционных объединений государства создают международные суды и передают им часть своего суверенитета в интересах, прежде всего, частных лиц. Именно частные лица (индивиды, хозяйствующие субъекты) являются основными и конечными «потребителями» услуг международных судов интеграционных объединений и от них, от их веры в независимость и беспристрастность международного суда будет зависеть востребованность последнего. «Зависимый» международный суд в силу значительного контроля со стороны государств и своей согласительной природы, возможно, лучше справится с политическими рисками, но будет во многом лишён поддержки снизу (на микроуровне), которая в успехе интеграционного объединения является решающей.

В свою очередь, ценность идеи Э. Познера и Дж. Юу заключается в том, что у государств должны оставаться определённые рычаги воздействия на международный суд, если тот переходит в разряд «убежавших да-

леко вперед» и перестает служить целям, для которых он был создан этими государствами. Такой суд может столкнуться с серьёзными проблемами в области политической поддержки со стороны государств и высоким сопротивлением в сфере имплементации его правовых позиций в национальные правовые системы. Более того, в этом случае со стороны государств могут последовать ответные меры, направленные на борьбу с судебным активизмом¹⁷. Здесь необходимо сбалансированное решение, позволяющее учитывать интересы всех заинтересованных лиц, — и государств, и частных лиц, и самого суда.

Возвращаясь к более специальным факторам эффективности международных судов, можно согласиться с тем, что состав международного суда, его нагрузка и востребованность, способность независимого установления фактов по делам, правовой статус международных договоров и решений международного суда в национально-правовых системах имеют большое значение¹⁸.

Так, состав международного суда, самостоятельность, профессионализм и авторитетность его судей, во многом определяют доверие к международному суду и его легитимность. Л. Хелфер и А.-М. Слотер делают ещё один любопытный вывод о том, что для международного суда оптимальным является сочетание в качестве судей специалистов в области международного права и тех юристов, которые ранее практиковали в области национального права. Это способствует повышению доверия к международному суду и помогает ему лучше коммуницировать с национальными судьями.

Следует отметить, что на данный момент мы относим этот фактор ко второй группе, которая зависит от государств-участников. Но нельзя не отметить тенденцию последнего времени, заключающуюся в том, что международные суды пытаются всё активнее оказывать влияние на отбор своих судей и ограничивать свободу усмотрения государств-участников¹⁹.

¹⁵ Posner E., Yoo J. Judicial Independence in International Tribunals // California Law Review. 2005. Vol. 93. No. 1. P. 1–74.

¹⁶ Helfer L., Slaughter A.-M. Why States Create International Tribunals: A Response to Professors Posner and Yoo. 93 // California Law Review. 2005. Vol. 93. No. 3. P. 899.

¹⁷ Tom Ginsburg. Bounded Discretion in International Judicial Lawmaking // Virginia Journal of International Law. 2005. Vol. 45. P. 656–673.

¹⁸ Laurence Helfer and Anne-Marie Slaughter. Toward a Theory of Effective Supranational Adjudication // 107 Yale Law Journal. 273. 1997. P. 300–306.

¹⁹ См. статью 255 Договора о функционировании Европейского союза и информацию о деятельности специального комитета по отбору кандидатов в судьи и генеральные адвокаты: URL: <http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/13/st05/st05091.en13.pdf>.

Для международного суда также важна его востребованность и загруженность. Процедуры определения приемлемости и рассмотрения жалоб не должны быть излишне сложными и должны способствовать обращению частных лиц в этот международный суд. Разумеется, что ресурсы (человеческие, финансовые, организационные) международного суда должны соответствовать масштабу задач и помогать ему с ними справиться.

Государства-участники выбирают модель, которая будет положена в основу работы международного суда. С одной стороны, малая востребованность международного суда может не позволить ему активно влиять на преобразование внутри национальных правовых систем (в частности, так случилось с Экономическим Судом СНГ). С другой стороны, высокая нагрузка может парализовать работу международного суда и вызывать необходимость структурных преобразований. Примерами здесь могут быть СЕС и ЕСПЧ, которые уже неоднократно за свою историю переживали значительные структурные и процессуальные реформы, и этот вопрос до сих пор стоит на повестке дня. Общий вывод таков, что активное использование международных судов со стороны частных лиц является скорее благом, а также одним из основных условий, определяющих эффективность международных судов.

Следующим фактором, который выделяют Л. Хелфер и А.-М. Слотер, является наличие независимой процедуры сбора и оценки доказательств, различных фактов по делу, чтобы международный суд мог иметь возможность самостоятельно проверить утверждения спорящих сторон. Если отнести этот вопрос исключительно к компетенции государств-участников, то пострадает состоятельность процедуры, а эффективность международного суда будет существенно снижена.

К этой же группе факторов относится инкорпорация международных договоров, которые толкует международный суд, и решений самого суда в национальные правовые системы. Иными словами, речь идёт о том, являются ли эти международные акты юри-

дически обязательными внутри самих государств-участников для государственных органов и судов.

Профессор Хелфер предлагает называть это «якорной» эффективностью²⁰, которая показывает, насколько глубоко правовые позиции международного суда укоренены, встроены в национальную правовую систему, имеют ли возможность частные лица без обращения в международный суд получать правовую защиту на национальном уровне в случае нарушений международного права со ссылками на решения международного суда. Если решения международного суда (как и нормы международного права, которые он толкует) не обладают прямым действием в национальной правовой системе, если ссылки на них не имеют значения для национальных судей, то влияние международного суда на правовую систему такого государства будет достаточно ограниченным. Без союзников внутри национальной правовой системы (прежде всего, в лице судей) международным судам крайне сложно проводить свою линию в отношении формирования единых международно-правовых стандартов.

К данной группе можно отнести и фактор, связанный с эффективностью исполнения и соблюдения индивидуальных решений международного суда со стороны государств. Для исполнения актов международного суда государствами или учреждённой ими международной организацией могут формироваться различные контрольные или мониторинговые механизмы (в частности, советы глав государств, комитеты министров, различные комиссии и т.д.), предусматривающие необходимость принятия общих и индивидуальных мер, направленных на недопущение норм международного права в будущем, а также создаваться условия для пересмотра административных или судебных решений, признанных международным судом противоречащими международному праву, на национальном уровне.

Третья группа факторов относится непосредственно к работе международного суда, его стратегии и тактики взаимодействия с национальными правовыми системами.

²⁰ *Laurence R. Helfer*. The Effectiveness of International Adjudicators / Ed. by Karen J. Alter, Cesare Romano and Yuval Shany. Oxford Handbook of International Adjudication, 2013; *Laurence R. Helfer*. Redesigning the European Court of Human Rights: Embeddedness as a Deep Structural Principle of the European Human Rights Regime // *European Journal of International Law*. 2008. Vol. 19. No. 1. P. 125–159.

Исследователи отмечают, что способность международного суда понять свою целевую аудиторию (частных лиц и/или национальные суды), их потребности, в совокупности с демонстрацией нейтральности международного суда, его независимости от политических интересов, умением принимать решения против государств по политически чувствительным вопросам, являются основными факторами успеха в этой группе²¹.

Сохраняя указанное главное стратегическое направление, тактика международного суда может существенно отличаться в зависимости от контекста, в котором ему приходится работать, от особенностей государств-участников, находящихся под его юрисдикцией. Так, анализируя деятельность Межамериканского суда по правам человека, Д. Кавалларо и С. Брюер²² отмечают большое различие ситуации с правами человека в Латинской Америке и Европе, приходят к выводу об успешной стратегии Межамериканского суда по правам человека, нацеленной на максимальное использование медиа ресурсов, его работу с национальными и международными правозащитными организациями, а также критикуют широкую практику заключения мировых соглашений с государствами (в отличие от европейского подхода), признавая, что она не служит общему делу продвижения прав человека, а скорее позволяет государствам избежать международной критики и огласки нелицеприятных фактов.

Важным фактором является и позиция международного суда, занимаемая им по отношению к оперативности принятия государствами необходимых мер для исполнения решений суда. Ключом к успеху в данном случае называют инкрементализм, когда международный суд признаёт постепенный характер в решении проблем и достижении желаемых результатов, а также осознает политические границы своей деятельности²³.

К этой группе факторов можно отнести и наличие у решений международного суда эффекта *erga omnes*²⁴. Данный эффект отвечает за системные последствия от решений (прецедентов) международного суда, которые проявляются в поведении государств, находящихся под юрисдикцией международного суда. По общему правилу решение международного суда обязательно только для спорящих сторон. Такой подход профессор Хелфер относит к «артефактам суверенитета» и обращает внимание на его существенные недостатки, ведущие к многочисленным идентичным или очень похожим разбирательствам с участием разных государств. Гораздо более прогрессивным признаётся подход, при котором правовые последствия от вынесенных международным судом решений возникают и в отношении других государств-участников, так как вынесенное решение демонстрирует единый правовой стандарт, который международный суд будет применять и в других сходных делах независимо от состава спорящих сторон. Всё вышесказанное может быть отнесено как к решениям международного суда по разрешению конкретных дел, так и к консультативным заключениям, ответам на преюдициальные запросы национальных судей.

Очень значимо и другое измерение деятельности международного суда — его эффективность в области развития международного права²⁵, которое иллюстрирует качество работы международного суда по толкованию и применению международно-правых норм, обоснованность мотивировки решений (то есть как суд показывает причины, которыми он руководствовался, объясняет свои правовые позиции широкой публике, демонстрирует системность, логичность толкования, согласованность с прежними постановлениями²⁶), способность к поиску инновационных подходов, институтов, доктрин, содействующую

²¹ *Laurence Helfer and Anne-Marie Slaughter*. Toward a Theory of Effective Supranational Adjudication, 107 *Yale Law Journal*. 273. 1997. P.308–313.

²² *James Cavallaro, Stephanie Erin Brewer*. Reevaluating Regional Human Rights Litigation in the Twenty-First Century: The Case of the Inter-American Court // *American Journal of International Law*. 2008. Vol. 102. P.775–827.

²³ *Laurence Helfer and Anne-Marie Slaughter*. Toward a Theory of Effective Supranational Adjudication // 107 *Yale Law Journal*. 1997. No. 273. P.314–318.

²⁴ *Laurence R. Helfer*. The Effectiveness of International Adjudicators / Ed. by Karen J. Alter, Cesare Romano and Yuval Shany. Oxford Handbook of International Adjudication, 2013.

²⁵ *Ibid.*

²⁶ *Laurence Helfer and Anne-Marie Slaughter*. Toward a Theory of Effective Supranational Adjudication // 107 *Yale Law Journal*. 1997. No. 273. P.318–323.

щих установлению баланса различных интересов (публичных и частных, национальных и международных). Можно сказать, что юридическая и доктринальная зрелость международного судебного учреждения, его репутация на международном уровне также оказывает влияние на эффективность трансформации национальных правовых систем, находящихся под его юрисдикцией.

Рассмотренные нами факторы, влияющие на эффективность международных судов, не носят исчерпывающего характера. В то же время они иллюстрируют широкий спектр условий институциональной, правовой и организационной природы, от которых может зависеть успех международного суда. Они дают ответы на вопросы о том, какая стратегия и тактика в построении и функционировании международного суда будут наиболее результативными.

Актуальные проблемы, возникающие при трансформации национальных правовых систем международными судами

В целях формирования общих правовых стандартов международный суд и национальные правовые системы, входящие в региональное объединение, должны работать как одно целое, что по большей части является скорее идеалом, чем отражением реальной действительности. На практике международные суды зачастую сталкиваются с серьёзным сопротивлением со стороны судов, органов законодательной и исполнительной власти национальных государств, слишком медленным изменением национальных правовых систем, иногда даже с полным или частичным саботажем необходимых реформ.

Даже самые успешные и авторитетные международные региональные суды, к которым многие единодушно относят ЕСПЧ и СЕС, не застрахованы от проблем во взаимодействии с национальными правовыми системами.

В этой связи нам хотелось бы обратиться к опыту ЕСПЧ, который актуальнее всего для российской правовой системы и российского читателя, и обратить внимание на две

проблемы общего характера, связанные с трансформацией национальных правовых систем под влиянием международных судов.

Первая проблема заключается в том, что национальные власти государств-участников Совета Европы зачастую не торопятся проводить необходимые в соответствии с требованиями ЕСПЧ реформы или имитируют их. Они также могут создавать видимость реализации общих стандартов защиты прав человека или принимать половинчатые решения. В итоге процесс имплементации европейских стандартов в правовых системах национальных государств может затянуться на годы или даже десятки лет.

В качестве примеров такого рода проблемных вопросов можно назвать длительность судебных разбирательств в Италии, выплату компенсаций пострадавшим в результате вынужденного перемещения после Второй мировой войны в Польше²⁷, ситуацию с исполнением судебных актов в России²⁸ и многие другие.

В то же время общим для этих ситуаций является то, что государства в целом соглашаются с юридической квалификацией правоотношений ЕСПЧ и признают необходимость изменений в национальных правовых системах.

Причины этого негативного явления могут быть различными. Назовём несколько самых распространённых из них.

Во-первых, проблемы долгое время могут не осознаваться со стороны национальными властями в качестве системных нарушений прав человека. Например, в России долгое время считалось, что отсутствие в бюджете необходимого финансирования естественным образом оправдывало отсрочку исполнения судебных актов на неопределённый срок, когда речь шла о взыскании определённых сумм с государства в пользу частных лиц. Вмешательство ЕСПЧ довольно быстро помогло осознать и, затем приступить к изменению отношения и подходов к этой проблеме.

Во-вторых, сдерживающим фактором может оказаться недостаточность ресурсов и большой масштаб требуемых институциональных изменений. Пожалуй, эта причина встречается наиболее часто, так как многие

²⁷ ECtHR (Grand Chamber). *Broniowski v. Poland*. Judgment of 22 June 2004. Application No. 31443/96.

²⁸ ECtHR. *Burdov v. Russia* (No. 2). Judgment of 15 January 2009. Application No. 33509/04.

преобразования в сфере прав человека сталкиваются с ограниченностью финансовых и организационных возможностей государства. Здесь примерами могут быть проблемы с восстановлением банковских сбережений в иностранной валюте, утраченных после распада СФРЮ в Боснии и Герцоговине²⁹, условия содержания в тюрьмах в России³⁰, Италии³¹, задержки в исполнении решений административных и судебных органов о выплате компенсации за изъятую собственность в Албании³², неисполнение судебных актов в России³³, Молдавии³⁴, на Украине³⁵, длительность судебных производств в Греции³⁶, ФРГ³⁷, Болгарии³⁸, Турции³⁹ и т.д.

В-третьих, процесс реформ может столкнуться с социальной инерцией внутри общества, так как любому процессу, связанному с социальными преобразованиями, неизбежно будет сопутствовать этот феномен. Он относится к неотъемлемым и естественным свойствам любых социальных систем сохранять целостность в условиях внешних воздействий и выступает как условие и вид порядка⁴⁰. Трансформация, связанная с масштабными социальными реформами, изменениями ценностных, ментальных подходов будет требовать значительного временного промежутка и не может произойти мгновенно, так как слишком быстрые изменения тоже могут быть деструктивны и иметь непредсказуемые последствия.

Однако социальная инерция может принимать и крайние формы, когда она превращается в «тенденцию к продолжению существования отдельных черт культуры или

культурных комплексов уже после того, как они исчерпали свою функциональность»⁴¹. В этом случае она может привести к стагнации, консервации негативных социальных явлений и институтов, которые будут препятствовать развитию, конструктивному сотрудничеству с международными судами. Следует также отметить, что социальная инерция может стать серьёзным препятствием при работе с национальными правовыми системами, если она не осознается как проблема, маскируясь под другие негативные явления (покушение на государственный суверенитет, теорию заговора, игнорирование национальных интересов и т.д.).

Всё это будет требовать поэтапного движения по направлению к изменению сложившихся внутри государства за долгое время подходов. Данная проблема характерна для многих «переходных» государств, которые столкнулись с необходимостью масштабных преобразований после социалистического периода своего развития, но не только для них. Можно вспомнить проблемы, связанные с государственным контролем за арендными ставками в Польше⁴², выселением должников в Италии⁴³, реформу надзорного производства в Румынии⁴⁴, России⁴⁵ и других странах.

В-четвёртых, по внутриполитическим причинам государству может оказаться удобнее выплатить компенсацию заявителям, обратившимся в ЕСПЧ, чем предпринимать какие-либо значимые реформы внутри своей правовой системы, так как требуемые реформы могут быть болезненными или политически чувствительными. В этой связи можно

²⁹ ECtHR. *Suljagic v. Bosnia and Herzegovina*. Judgment of 3 November 2009. Application No. 27912/02.

³⁰ ECtHR. *Ananyev and others v. Russia*. Judgment of 3 November 2009. Application No. 42525/07. Judgment of 10 January 2012.

³¹ ECtHR. *Torreggiani and others v. Italy*. Judgment of 8 January 2013. Application No. 43517/09, 35315/10, 37818/10 et. al.

³² ECtHR. *Manushaqe Puto and others v. Albania*. Judgment of 8 January 2013. Application No. 604/07, 43628/07, 46684/07, 34770/09.

³³ ECtHR. *Burdov v. Russia* (No. 2). Judgment of 15 January 2009. Application No. 33509/04.

³⁴ ECtHR. *Olaru and others v. Moldova*. Judgment of 28 July 2009. Application No. 476/07.

³⁵ ECtHR. *Yuriy Nikolayevich Ivanov v. Ukraine*. Judgment of 15 October 2009. Application No. 40450/04.

³⁶ ECtHR. *Vassilios Athanasiou and others v. Greece*. Judgment of 21 December 2010. Application No. 50973/08; ECtHR. *Michelioudakis v. Greece*. Judgment of 3 April 2012. Application No. 54447/10; ECtHR. *Glykanti v. Greece*. Judgment of 30 October 2012. Application No. 40150/09.

³⁷ ECtHR. *Rumpf v. Germany*. Judgment of 2 September 2010. Application No. 46344/06.

³⁸ ECtHR. *Dimitrov and Hamanov v. Bulgaria*. Judgment of 10 May 2011. Application No. 48059/06, 2708/09.

³⁹ ECtHR. *ÜMMÜHAN Kaplan v. Turkey*. Judgment of 20 March 2012. Application No. 24240/07.

⁴⁰ Матвеева Н.А. Социальная инерция: к определению понятия // Социологические исследования. 2004. № 4. URL: <http://ecsosman.hse.ru/data/128/672/1217/002.MATVEEVA.pdf>.

⁴¹ Социологический энциклопедический словарь / Ред.-координатор Г.В. Осипов. М., 1998. С. 103.

⁴² ECtHR. *Hutten-Czapaska v. Poland*. Judgment of 28 April 2008. Application No. 35014/97.

⁴³ ECtHR (Grand Chamber). *Immobiliare Saffi v. Italy*. Judgment of 28 July 1999. Application No. 22774/93.

⁴⁴ ECtHR (Grand Chamber). *Brumarescu v. Romania*. Judgment of 28 October 1999. Application No. 28342/95.

⁴⁵ ECtHR. *Ryabikh v. Russia*. Judgment of 24 July 2003. Application No. 52854/99. ECtHR. *Sutyazhnik v. Russia*. Judgment of 23 July 2009. Application No. 8269/02.

привести проблемы, с которыми сталкиваются русскоязычные жители в Латвии⁴⁶.

В перечисленных ситуациях достаточно эффективной стратегией со стороны международного суда является инкрементализм и признание постепенного характера в решении выявленных проблем и достижении желаемых результатов, что уже отмечали Л. Хелфер и А.-М. Слотер⁴⁷.

Подобная «постепенность» позволяет национальным правовым системам лучше адаптироваться к меняющимся обстоятельствам, изыскать ресурсы и справиться с социальной инерцией.

Говоря о последней, следует признать, что инертность национальных правовых систем может давать и положительные результаты, так как позволяет им сохранить свои оригинальные подходы или правовые институты. Так, настойчивая критика ЕСПЧ в отношении существовавшей с советских времен системы надзорного производства в России и упорное нежелание российских властей отказываться от этого института в итоге привели не к слову, а к его существенной модификации, которая в итоге была признана ЕСПЧ эффективным средством правовой защиты⁴⁸.

Следует отметить, что в статье 46 ЕКПЧ заложен довольно успешный механизм контроля за исполнением решений ЕСПЧ⁴⁹, который помогает справляться с обозначенными выше трудностями и достигать конечной цели в виде обеспечения единых стандартов в сфере прав человека в рамках государств Совета Европы.

Государства обязаны принимать как индивидуальные, так и общие меры, направленные на реализацию правовых позиций ЕСПЧ

в своих правовых системах. В этой связи появление и активное использование ЕСПЧ института пилотных постановлений способно существенно улучшить ситуацию с имплементацией европейских стандартов в правовых системах национальных государств⁵⁰. Преимущества данного института заключаются в том, что он позволяет ЕСПЧ идентифицировать системную проблему, указать на необходимость комплексного подхода к её решению и установить срок для принятия соответствующих мер со стороны государства. В такой ситуации у государств не остаётся пространства для маневра, чтобы отсрочить требуемые изменения или реформы на более поздний срок, и они вынуждены действовать.

Конечно, даже наличие действенного механизма контроля за исполнением решений не гарантирует быстрого результата. Известны случаи, когда ЕСПЧ приходилось возвращаться к, казалось бы, уже решённым проблемам. Можно привести пример с принятием в России комплекса законодательных инициатив, направленных на создание эффективного средства правовой защиты в случае нарушения права на рассмотрение дела и исполнение судебного акта в разумный срок⁵¹. Сейчас становится очевидным, что принятые меры носили частичный характер. Они не решают проблем, связанных с неисполнением судебных актов по вине судебных приставов или неисполнением тех судебных актов, которые не предусматривают обращение взыскания на бюджетные средства (например, взыскание средств с государственных или муниципальных предприятий, исполнение судебных актов по неденежным обязательствам государства⁵²).

⁴⁶ ECtHR. *Podkolzina v. Latvia*. Judgment of 9 April 2002. Application No. 46726/99; ECtHR (Grand Chamber), *Andrejeva v. Latvia*. Judgment of 18 February 2009. Application No. 55707/00. ECtHR (Grand Chamber), *Slivenko v. Latvia*. Judgment of 9 October 2003. Application No. 48321/99.

⁴⁷ *Laurence Helfer and Anne-Marie Slaughter*. Toward a Theory of Effective Supranational Adjudication // 107 Yale Law Journal . 1997. No. 273. P.314–317.

⁴⁸ ECtHR. *Kovaleva and others v. Russia*. Judgment of 25 June 2009. Application No. 6025/09; ECtHR. *Link Oil SPB v. Russia*. Judgment of 25 June 2009. Application No. 42600/05.

⁴⁹ Данная функция возложена на Комитет Министров Совета Европы, который регулярно принимает решения и резолюции, позволяющие отследить принятие государствами индивидуальных и общих мер по исполнению решений ЕСПЧ. Более подробно см. URL: <http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/execution>.

⁵⁰ *Markus Fyrnys*. Expanding Competences by Judicial Lawmaking: The Pilot Judgment Procedure of the European Court of Human Rights // German Law Journal. 2011. Vol. 12. No. 05. URL: http://www.germanlawjournal.com/pdfs/Vol12-No5/PDF_Vol12_No_05_1231-1260_Beyond%20Dispute%20Special_Fyrnys%20FINAL.pdf.

⁵¹ См.: Федеральный закон от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок».

⁵² Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 года № 30/64 «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок».

Подводя итоги нашего анализа проблем, связанных с медленной реакцией национальных властей на выносимые против них постановления ЕСПЧ, можно сказать, что, на наш взгляд, данное явление не свидетельствует о неэффективности международного суда или о кардинальных различиях государств-участников с точки зрения отношения к базовым ценностям⁵³, а скорее показывает неизбежные и естественные сложности процесса трансформации национальных правовых систем в силу различных по своей природе причин. Подход, который занимает ЕСПЧ и который заключается в признании постепенного характера в решении выявленных проблем государствами и дополняется постоянным контролем за исполнением вынесенных решений со стороны Комитета Министров Совета Европы, уже доказал свою результативность.

Вторая проявившаяся проблема является ещё более сложной. Она заключается в том, что государство не исполняет постановления ЕСПЧ, ссылаясь на фундаментальные ценности своей правовой системы.

Особую злободневность данной проблеме придает то обстоятельство, что национальные суды или отдельные судьи прямо заявляют о невозможности признать правовые позиции ЕСПЧ и следовать им.

Можно привести пример с вынесением Конституционным Судом Италии решения от 16 ноября 2009 года⁵⁴, которое не позволяло исполнять постановления ЕСПЧ, противоречащие нормам Конституции Италии. Данное решение было вынесено спустя две недели после того, как малая палата ЕСПЧ признала нарушением норм ЕКПЧ наличие изобра-

жений христианских распятий в итальянских государственных школах⁵⁵.

Аналогичная ситуация возникла с проблемой прав заключённых голосовать на выборах в Великобритании, где после ряда постановлений ЕСПЧ⁵⁶ власти на высшем политическом уровне прямо заявили, что никаких изменений в своей правовой системе они предпринимать не будут⁵⁷.

Похожая ситуация сложилась и в Конституционном Суде ФРГ в связи с делом «Гергюлу против Германии»⁵⁸ (об отказе немецких властей признать права биологического отца, который являлся гражданином Турции, в отношении ребёнка, родившегося в Германии).

Эту же проблему затронул Председатель Конституционного Суда России В. Д. Зорькин в своей статье «Пределы уступчивости», в которой он назвал пределом нашей уступчивости защиту суверенитета, национальных институтов и национальных интересов, а также призвал выработать защитный механизм от решений ЕСПЧ, которые «сомнительны с точки зрения сути самой Европейской конвенции по правам человека и тем более прямым образом затрагивают национальный суверенитет, основополагающие конституционные принципы»⁵⁹.

Хотя острая и даже болезненная реакция национальных властей на решения ЕСПЧ и не является чем-то новым в практике ЕСПЧ⁶⁰, в последнее время можно наблюдать обострение отношений ЕСПЧ с национальными государствами по ряду ключевых проблемных вопросов, отражением чего является ведущаяся дискуссия о реформе ЕСПЧ и изменении его роли⁶¹, критика его «конституционных» полномочий⁶².

⁵³ Такая точка зрения довольно часто встречается среди западных исследователей, занимающихся вопросами соблюдения Россией своих обязательств по ЕКПЧ. См., например: *Petr Preclik. Culture Re-introduced: Contestation of Human Rights in Contemporary Russia // Review of Central and East European Law. 2012. Vol. 37. No. 2–3. P. 173–230.*

⁵⁴ Доступно по ссылке: URL: <http://www.giurcost.org/decisioni/2009/0311s-09.html>.

⁵⁵ ECtHR. *Lautsi v. Italy*. Judgment of 3 November 2009. Application No. 30814/06.

⁵⁶ ECtHR. *Greens and M. T. v. the United Kingdom*. Judgment of 23 November 2010. Application No. 60041/08, 60054/08.

⁵⁷ URL: <http://www.bbc.co.uk/news/uk-politics-20053244>.

⁵⁸ ECtHR. *GÖRGÜLÜ v. Germany*. Judgment of 26 May 2004. Application No. 74969/01. См. также: *Christian Tomuschat. The Effects of the Judgments of the European Court of Human Rights According to the German Constitutional Court // German Law Journal. 2010. Vol. 11. No. 5.*

⁵⁹ *Зорькин В. Пределы уступчивости // Российская газета. 2010. 29 октября. URL: http://www.rg.ru/2010/10/29/zorkin.html.*

⁶⁰ В качестве примеров могут быть приведены следующие дела: ECtHR. *Ireland v. United Kingdom*. Judgment of 18 January 1978. Application No. 5310/71; ECtHR. *Cyprus v. Turkey*. Judgment of 10 May 2001. Application No. 25781/94; ECtHR (Grand Chamber). *Ilascu and Others v. Moldova and Russia*. Judgment of 8 July 2004. Application No. 48787/99.

⁶¹ Более подробная информация доступна по ссылке URL: <http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=court/reform&c=>.

⁶² *Jacob Mchangama. The European Court of Human Rights – A European Constitutional Court? The Journal of the Federalist Society Practice Groups. 2012. Vol. 13. No. 1. URL: http://www.fed-soc.org/publications/detail/the-european-court-of-human-rights-a-european-constitutional-court.*

Чем это можно объяснить? Представляется, что данная проблема связана с поиском границ (пределов) возможной трансформации национальных правовых систем. В тех ситуациях, когда, по выражению В.Д. Зорькина, «ломается культурный, нравственный, религиозный код» того или иного общества, международный суд может лишиться поддержки национальных властей, которые будут воспринимать его в качестве злоупотребляющего или вышедшего за пределы своих полномочий. В такой ситуации международный суд начинают критиковать за то, что он занимается судебным активизмом, что он нарушает принцип суверенитета государств и т. д.

Решение описанной проблемы может начинаться как в руках самого международного суда, так и государств-участников.

Государства-участники могут уставить новые нормативные ограничения в отношении юрисдикции и функционирования международного суда или ввести новые формы его работы. В этом контексте можно рассматривать разработку протоколов № 15 и 16 к ЕКПЧ, которые нацелены на нормативное закрепление принципа субсидиарности, свободы усмотрения государств по вопросам прав человека (с англ. *margin of appreciation*), а также предусматривают предоставление высшим судам стран-участниц ЕКПЧ права на обращение за консультативными заключениями в ЕСПЧ по вопросам толкования ЕКПЧ.

В свою очередь, ЕСПЧ также может модернизировать свою правоприменительную практику путем более широкого использования уже существующих процессуальных механизмов или выработки новых концепций и доктрин, чтобы избежать описанных выше негативных последствий.

Критики ЕСПЧ довольно часто обращают внимание на недостаток диалога ЕСПЧ с национальными правовыми системами и эффективной коммуникации между национальными судами и ЕСПЧ⁶³.

С одной стороны, в силу объективных причин у международных судов нет всей полноты информации, глубокого и всесторон-

него понимания тех проблем, с которыми приходится сталкиваться при регулировании отношений на национальном уровне. И, принимая свои решения, они могут потребовать проведения изменений, которые в силу различных оснований могут быть неприемлемыми или невыполнимыми на национальном уровне. Бывают ситуации, при которых принцип «одна проблема — одно решение» (с англ. «*One size fits all*») для различных государств будет контрпродуктивным. К таким обычно относят вопросы, затрагивающие экономические, фискальные интересы государств, социальную сферу (например, право на социальное обеспечение), вопросы миграции (предоставление убежища, борьба с нелегальными мигрантами)⁶⁴ и иные.

С другой стороны, смысл и значение предлагаемых международными судами изменений также могут быть не всегда понятны национальным властям. Это может произойти и в силу размытых, лаконичных формулировок соответствующих решений, иных пробелов в мотивировке, затруднённого доступа к судебным решениям (в частности, из-за языкового барьера, недостаточной публичности) и других факторов.

С этой целью очень важен хорошо налаженный механизм коммуникации, когда между национальными властями и международными судами происходит диалог, взаимный обмен мнениями. И можно быть уверенным, что стороны слушают и слышат друг друга. Результатом этого может явиться недопущение или исправление возможных ошибок каждой из сторон.

Особенно актуален этот вопрос на данном этапе развития, когда мы можем наблюдать порой полярные точки зрения, жёсткую критику современной концепции прав человека, обвинения в том, что права человека становятся чрезмерно индивидуалистичными, что они поощряют крайний эгоизм и себялюбие, а гуманитарный дискурс приобретает конфронтационный, антагонистический характер, не принимающий компромиссов, не учитывающий культурное разнообразие и специфику конкретных обществ, отрицающий коллек-

⁶³ Например, *Rt Hon Lady Justice Arden DB. Peaceful or Problematic? The Relationship between National Supreme Courts and Supranational Courts in Europe // Yearbook of European Law. 2010. No. 29(1). P. 3–20.*

⁶⁴ *Jacob Mchangama. The European Court of Human Rights — A European Constitutional Court? // The Journal of the Federalist Society Practice Groups. 2012. Vol. 13. No. 1. URL: <http://www.fed-soc.org/publications/detail/the-european-court-of-human-rights-a-european-constitutional-court>.*

тивные, традиционные ценности, важность института семьи, солидарности и т. д.⁶⁵

Возможно, что международный суд, осознавая взаимозависимость с национальными правовыми системами, должен усилить элемент интерактивности в своей работе.

Мы видим, что отчасти это уже происходит. ЕСПЧ по ключевым вопросам применения ЕКПЧ активно использует инструмент Большой Палаты, который позволяет ему корректировать решения малых палат и учитывать мнения национальных властей⁶⁶.

Применение ЕСПЧ сравнительно-правовых подходов, основанных на тщательном анализе правовых подходов к решению проблем в различных юрисдикциях Совета Европы, также можно отнести к факторам, способствующим повышению интерактивности⁶⁷.

Большой потенциал по расширению диалога между ЕСПЧ и государствами-участниками содержит в себе статья 36 ЕКПЧ, которая позволяет государствам, не являющимся стороной по делу, а также иным субъектам (неправительственным организациям и объединениям) вступать в дело в качестве третьей стороны, представлять свои письменные замечания или принимать участия в судебных слушаниях⁶⁸.

Можно предположить, что наделение высших судов правом обращения в ЕСПЧ за консультативными заключениями также окажет положительное влияние на институционализацию такого диалога, что признаётся и самим Судом⁶⁹.

Нельзя исключать и появления новых, инновационных подходов в работе ЕСПЧ с национальными правовыми системами.

Так, можно предположить, что концепция «свободы усмотрения» государств (с англ. *margin of appreciation*) получит дальнейшее

развитие и будет совершенствоваться с учётом новых реалий.

Исследователи ЕКПЧ уже отмечают некоторые тектонические сдвиги в практике ЕСПЧ и появление института «блокирующего внутригосударственного консенсуса»⁷⁰.

Фиона де Лондрас и Константин Дегтярев использовали указанный термин для описания ситуации с «преобладающим (но не единодушным) отношением к конкретному правовому вопросу большинства населения государства», когда «национальные предпочтения в области морали могут иметь приоритет над установленным ЕСПЧ общеевропейским консенсусом». Авторы довольно убедительно описали те риски, которые связаны с использованием названного института⁷¹ (которые, на наш взгляд, ещё не означают, что данный институт не имеет права на существование).

Вполне естественно, что государства будут стараться поместить в эту категорию широкий спектр вопросов и сохранить полную свободу усмотрения в регулировании этих отношений, иногда злоупотребляя своими правами и создавая ложную видимость блокирующего внутригосударственного консенсуса. Так как сама идея блокирующего внутригосударственного консенсуса существует лишь в самом общем виде, правовых критериев отнесения дел к этой категории ещё не выработано. Выявление тех правовых коллизий, в которых затрагивается культурный, нравственный, религиозный код и появляется право на блокирующий внутригосударственный консенсус, представляет из себя непростую задачу. Это может быть продемонстрировано и тем, что далеко не все дела, которые были нами перечислены выше в качестве наиболее дискуссионных в практике ЕСПЧ,

⁶⁵ *Twinning William*. General Jurisprudence, Understanding Law from a Global Perspective // Cambridge University Press, 2009. P. 173–217.

⁶⁶ Так, в период с 19 июля 2008 года по 19 июля 2013 года Большая Палата ЕСПЧ приняла постановления по 51 делу, переданных для пересмотра. Из них 23 постановления секции или палаты были изменены, 27 оставлены без изменений, 1 дело было исключено из списка в связи со смертью заявителя и нежеланием наследников продолжать производство. Что касается изменений, то 11 изменений отвечали интересам заявителя, 12 — государства-ответчика. Из оставленных в силе постановлений 10 содержали в себе выводы об отсутствии нарушений положений конвенции, 14 — о наличии таковых, в 3 нарушения усматривались лишь в части жалоб.

⁶⁷ См. подробнее: *Нуссбергер А.* «Консенсус» как элемент аргументации Европейского Суда по правам человека // Международное правосудие. 2013. № 1. С. 17–23.

⁶⁸ Как это было сделано в следующих делах: ECtHR (Grand Chamber). *Lautsi v. Italy*. Judgment of 18 March 2011. Application No. 30814/06. ECtHR (Grand Chamber). *Sindicatul «PĂSTORUL CEL BUN» v. Romania*. Judgment of 9 July 2013. Application No. 2330/09.

⁶⁹ Reflection Paper on the proposal to extend the Court's advisory jurisdiction. URL: http://echr.coe.int/Documents/2013_Courts_advisory_jurisdiction_ENG.pdf.

⁷⁰ *Фиона де Лондрас, Дегтярёв К.* «А. В. и С. против Ирландии»: возникновение блокирующего внутригосударственного консенсуса // Международное правосудие. 2013. № 1. С. 30–35.

⁷¹ Там же.

можно причислить к категории блокирующего национального консенсуса. Личная точка зрения автора заключается в том, что ни дело «Маркин против Российской Федерации», ни дело «Гринс и М. Т. против Соединённого Королевства» к этой категории отнесены быть не могут.

Мы видим, что ЕСПЧ, как и государства-участники ЕКПЧ, находится в поиске, и хочется надеяться, что это будет способствовать выработке новых, нестандартных решений, которые позволят указанному международному суду и в дальнейшем эффективно выполнять свою функцию по формированию общих стандартов в области защиты прав человека на европейском континенте.

Таким образом, можно сделать заключительный вывод о том, что в настоящее время международные суды все чаще сталкиваются с тем, что на них явно или подразумеваемо возлагается задача формирования общих правовых стандартов и трансформации правовых систем.

Для успешного решения данной задачи международные суды должны обладать целым комплексом институциональных, правовых и организационных механизмов, которые определяют продуктивное взаимодействие с национальными правовыми системами и влияют на формирование общего правового пространства.

В то же время данный процесс не может проходить бесконфликтно и неизбежно сталкивается с инертностью национальных правовых систем, медленным внедрением международных стандартов, а иногда и с открытым сопротивлением государств имплементации правовых позиций международного суда на национальном уровне.

В этой связи очень важен гибкий подход к решению проблем взаимодействия международного суда с государствами-участниками, сочетающий в себе инкрементализм, эффективную коммуникацию и признание объективных границ трансформации национальных правовых систем.